

ИСТОРИИ

**Чеченские ЛГБТ-женщины все чаще
обращаются за помощью, чтобы
уехать из республики. Они бегут
от пыток, домашнего насилия
и полицейского преследования Вот
их истории — и рассказ тех, кто
им помогает**

05:14, 20 июня 2022 · Источник: Meduza

Фото: Peter Endig / dpa / Alamy / Vida Press.

[Ссылка на материал](#)

...

Берегите себя и отправляйте этот материал
только тем, кому вы доверяете

В 2017 году, после расследований⁽¹⁾ «Новой газеты», весь мир узнал о том, что ЛГБТ-люди на Северном Кавказе подвергаются репрессиям. На главных страницах крупнейших в мире СМИ появились рассказы о пытках и похищениях в Чечне, проблему пришлось комментировать Владимиру Путину. Из республики стали организовано вывозить людей. Большинство эвакуированных в «первую волну» чеченцев были мужчинами, но вот уже несколько лет правозащитники фиксируют рост⁽²⁾ обращений со стороны девушек, причем не только представительниц ЛГБТ+. «Медуза» рассказывает, от чего они бегут и как правозащитники из СК SOS⁽³⁾ и «Марем⁽⁴⁾» пытаются им помочь.

Год назад, 10 июня 2021 года, в Махачкале чеченские и дагестанские силовики разгромили кризисную квартиру группы помощи пострадавшим от насилия женщинам «Марем». Полицейские пришли за Халимат Тарамовой — девушкой из Чечни, которая в начале июня [2021 года] убежала из дома в Грозном, где родители пытались «вылечить» ее от гомосексуальности.

Накануне штурма Тарамова записала видеообращение, в котором утверждала, что она находится в кризисной

квартире по своей воле. Однако власти Чечни объявили, что правозащитники пытались похитить Тарамову.

После похищения Тарамовой активистки «Марем», в том числе соосновательница группы, правозащитница и журналистка Светлана Анохина, были вынуждены покинуть Россию. «Я бы не уехала, если бы не история с Халимат и если бы не угроза заявления⁽⁵⁾ против нас [сотрудников „Марем“], — в разговоре с „Медузой“ объясняет Светлана Анохина, — но в тот момент я ощутила, как на тебя обрушивается эта огромная государственная махина».

Похищение Халимат Тарамовой — одна из самых громких историй на Северном Кавказе, но далеко не единственная. В последние годы правозащитники фиксируют рост обращений женщин разной сексуальной идентичности. Для многих из них группы помощи и правозащитные организации становятся единственным способом спастись от насилия со стороны родственников.

«А чего они не могут в России жить?»

«Девушек [которые к нам обращаются] стало очень много, — рассказывает правозащитник Мансур Ахметов⁽⁶⁾, с 2017 он занимается эвакуацией ЛГБТ-людей с Северного

Кавказа, и сейчас сотрудничает с кризисной группой СК SOS⁽⁷⁾ (а ранее — с „Российской ЛГБТ-сетью“⁽⁸⁾).

— Причем если с парнями как-то можно оценить риски — например, не всем обязательно уезжать из страны [достаточно покинуть республику], то с девушками это невозможно. Потому что всегда найдется брат или сват [который попытается ее вернуть]».

По словам правозащитника, девушкам намного сложнее покинуть Чечню, потому что вероятность, что их либо перехватят по дороге, либо выкрадут и насильно вернут домой после отъезда, высока.

В последние годы чеченским силовикам начали помогать и сотрудники местных МВД. «Раньше таких [людей, которые бежали от преследований в другие регионы РФ] не ловили в Москве, а если и ловили, то родственники, — рассказывает правозащитница Светлана Анохина.

— А сейчас они [силовые структуры Чечни и других субъектов РФ] работают в связке, потому что всем понятно, что Кадыров получил отмашку напрямую из Кремля».

Публично сам глава Чечни историю с похищением Халимат Тарамовой не комментировал, но о ситуации высказывался его помощник, чеченский министр по национальной политике, внешним связям, печати и информации Ахмед Дудаев, который заявил, что

«никаких неправомерных действий не было», а скандал был «раздут искусственно».

ЧТО СКАЗАЛ АХМЕД ДУДАЕВ О ПОХИЩЕНИИ ХАЛИМАТ ТАРАМОВОЙ

**«Пресечена попытка похищения человека».
Помощник Кадырова — о чеченке Халимат
Тарамовой, которую забрали из убежища для
женщин в Дагестане**

Правозащитники отдельно отмечают, что гомосексуальные мужчины могут использовать разные предлоги, чтобы уехать из республики, — например, сказать, что отправились на заработки. У девушек такой возможности нет: семья жестко контролирует женщин.

Мансур Ахметов считает, что привлечение внимания к проблемам женщин на Кавказе и причинам, по которым они бегут из дома, — сейчас одна из насущных задач правозащитников. «Тема с геями в 2017–2018 годах была очень сильно подана, а про женщин мы [тогда] особо и не понимали» — признается Ахметов. По его словам, проблемы женщин в Чечне все еще не понимают и на Западе, в том числе коллеги, которые могут помочь с эвакуацией ЛГБТ-людям.

«А чего они не могут в России жить? Особенно если это девушка, не принадлежащая к ЛГБТК-сообществу, — рассказывает правозащитник. — Приходится объяснять».

По словам Ахметова, ситуацию значительно осложняет ухудшение или разрыв дипломатических отношений со странами, которые осуждают действия России в Украине: многих дипломатов и чиновников, которые были в курсе ситуации [и помогали], просто выслали из страны.

РОССИЯ И ЗАПАДНЫЕ СТРАНЫ ВЫСЛАЮТ ДИПЛОМАТОВ ИЗ-ЗА ВОЙНЫ
В УКРАИНЕ

Как Запад выслаёт российских дипломатов, а Россия — западных. В одной картинке

«В войну [работать] стало сложнее, — говорит Ахметов. — Сейчас такая тенденция, что из Европы депортируют много чеченцев. Кейсы [людей, которые ищут политического убежища в Европе, сотрудниками дипломатических миссий, которые отвечают за это] сейчас рассматриваются тяжело. Посольства большей частью высланы — а те [западные] дипломаты, с которыми мы работали в Москве, высланы из страны. Приходится действовать через третьи страны [открытые для россиян], и это занимает очень много времени».

По опыту СК SOS, сейчас выдача зарубежных виз и рассмотрение дел происходят медленнее из-за потока беженцев из Украины в Европу. При этом многим девушкам из регионов Северного Кавказа требуется

оформление не только виз, но и паспортов: некоторые бегут вообще без документов, потому что их забрали родственники.

С тем, что война осложнила работу правозащитников, соглашается и Светлана Анохина: «Люди, которые решают, давать ли визу, например, для въезда в ту же Эстонию, не понимают серьезности ситуации. Они не понимают, что в огромном количестве случаев речь реально идет о том, будет человек жить или его „грохнут“».

УБИЙСТВА И ПЫТКИ ЛГБТ-ПЕРСОН В ЧЕЧНЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ МНОГО ЛЕТ

В Чечне снова преследуют и пытаются геев. С начала декабря, возможно, убиты несколько человек

Другая проблема, о которой говорят правозащитники, заключается в недостатке информации: многие девушки просто не знают, куда обращаться за помощью, или что за ней в принципе можно обратиться.

Информационное потребление на Северном Кавказе довольно сильно отличается от остальной России. Дейтинговые приложения в регионах Северного Кавказа практически не используются, а главной информационной площадкой (в том числе для правозащитных групп) остается инстаграм⁽⁹⁾. Также популярна сеть

«ВКонтакте» — там есть несколько крупных пабликов, созданных для знакомств и общения негетеросексуальных девушек (помимо этого девушки знакомятся в чатах или, например, в мобильных видеоиграх, где выступают за одну команду, рассказали «Медузе» несколько квир-девушек из Ингушетии).

ЛГБТ-люди редко видятся вживую, потому что считают, что это небезопасно. Общение в основном происходит через мессенджеры, причем зачастую такой способ коммуникации приравнивается к обычным отношениям: девушки могут полгода «встречаться» и переписываться, но при этом ни разу не встретиться.

Новости о том, к кому можно обратиться за помощью, часто передаются через знакомых, многие жители в регионах Северного Кавказа не знают о возможности обратиться к профессиональным правозащитникам, поэтому идут за помощью к «стихийным спасателям»⁽¹⁰⁾.

Об одной из таких попыток рассказывает Светлана Анохина:

Я знаю человека, который взялся помочь девушке, приехал с подружкой в Дагестан, они вывезли ее [девушку, которая просила о помощи] в Пятигорск. Хотели лететь дальше, купили билет, но тут их догнали бешеные родственники. Говорят: «Вернемся домой, побудете у нас, погостите, потом поедете». И они

им поверили. Он [мужчина из Санкт-Петербурга] мне так еще говорил: «Ее дядя сказал: „Я клянусь Аллахом“. Я поверил, он же набожный чувак». Ну и естественно, никуда девочку не отпустили.

Ниже мы приводим монологи двух девушек, которым с помощью правозащитников удалось покинуть Россию. Одну из героинь для материала «Медузе» помогла найти правозащитная организация СК SOS⁽¹¹⁾. Это проект, участники которого много лет помогают ЛГБТ-людям и членам их семей на Северном Кавказе. Так как в Чечне опасность грозит не только ЛГБТ-людям, но и их родственникам и самим правозащитникам, имя одной из героинь изменено, а некоторые детали, по которым ее можно было бы идентифицировать, опущены ради ее безопасности.

Аминат Лорсанова

24 года, уехала из России в 2019 году. Аминат — единственная женщина, которая подала жалобу на насилие со стороны родственников в Следственный комитет. После ее публичной жалобы правозащитники зарегистрировали рост обращений от женщин Северного Кавказа

Где-то в 2017–2018 году моя мать нашла [в моем телефоне] интимные переписки с мужчинами. После того как она об этом узнала, родственники буквально превратили мою жизнь в ад.

Мать сказала, что, если я не позволю ей «проверить» себя «на девственность», она пойдет и покажет всем родственникам мои переписки. Она заставила меня лечь на кровать, взяла медицинский катетер, вставляла его [в вагину] и вытаскивала. Я несколько минут лежала на кровати, рыдала и просила ее прекратить.

Мои родители врачи, у них хорошие связи [в медицинских заведениях Чечни]. В августе 2018-го меня насильно положили в клинику Боева ⁽¹²⁾ и там 25 дней обкалывали какими-то тяжелыми препаратами, от которых у меня очень сильно падало давление.

Мать говорила, что она меня посадит куда-то [в психиатрическую больницу], попросит, чтобы меня били током в половые органы — «чтобы у меня все оттуда вывалилось», повторяла, что у меня «бешенство матки», что я ***** [распутная женщина], позор семьи.

В чеченских семьях любят только мальчиков. Девочек не любят. Никто не будет защищать девушку, если она сопротивляется насилию, пытается себя отстоять. Нет ничего, никаких [социальных] институтов, никаких служб, чтобы эти проблемы решить. Если у человека трудности

в браке или что-то подобное, то чеченцы идут к колдунам, экстрасенсам или муллам⁽¹³⁾.

Меня тоже отвели к мулле. В исламе считается, что, если в тебя вселяется джинн, чтобы он вышел, человеку должно быть физически больно. Он должен кричать, корчиться.

Меня положили на диван, отец сел мне на ноги, чтобы я не могла двигаться. Мулла сидел по правую сторону, плевался, орал, читал Коран и бил меня палочкой. До тех пор пока то место, где солнечное сплетение, не опухло, не стало красным. Они [муллы] понимают, что им за это, скорее всего, ничего не будет.

Тогда [после этого «сеанса»] я решила, что буду пытаться уехать. Я была подписана на группу во «ВКонтакте», которая называлась «Подслушано феминизм» [позже группа была удалена]. Там был список организаций, которые помогают сбежать. Единственной организацией, контакты которой я на тот момент нашла, была ЛГБТ-сеть⁽¹⁴⁾, но я не решалась им написать. Я гетеросексуальна и не была частью ЛГБТ-сообщества. Но мне нужна была помощь. Я думала, если я им скажу правду, они мне не помогут [но правозащитники из ЛГБТ-сети помогли].

Я много раз слышала, как говорят: «Если бы у нас была Ичкерия⁽¹⁵⁾, мы бы жили хорошо». Но я читала интервью чеченских командиров, которые были⁽¹⁶⁾ за Ичкерию, и там один говорит: «У меня четыре жены...» И он явно

не скрывает потребительского отношения к своим женам. Они для него как вещи: «Одну взял, вторую взял, а еще у меня любовница есть. А чего? Могу себе позволить». Если бы была какая-то Ичкерия, то мое положение как женщины все равно было бы не лучше. Знаете, чего я хочу? Я хочу, чтобы чеченцы стали светским обществом.

О МНОГОЖЕНСТВЕ В ЧЕЧНЕ

«Проект» рассказал о «второй жене» Рамзана Кадырова А также о том, что у его «первой жены» есть фальшивая личность, на которую оформлена недвижимость на сотни миллионов рублей

Хадижа

24 года, гомосексуальная девушка, сбежавшая из Чечни

С детства мой отец говорил, что мне нужно заниматься чем-то «женским»: тогда не нужно будет выходить из дома. Лет в 13-14, когда я уже начала серьезно интересоваться шитьем, я уговорила родителей позволить мне хотя бы изучать это дело, чтобы стать дизайнером. И отец разрешил.

Проблемы начинались, когда мне нужно было куда-то выходить, общаться с людьми. Мне было 15 лет, я сделала

инстаграм-аккаунт, пыталась найти там клиентов. Я, если честно, понятия не имела, как нужно делать бизнес.

Но захотела сделать съемку — настоящую, с моделями, фотографом. Родители сказали, что это лишнее. Тогда я решила, что не буду у них спрашивать и просто тайно договорюсь с людьми. Когда все было запланировано, я подошла к ним и просто сказала, что мне нужно готовиться к съемке. Для них это было чем-то непонятным. Но мама очень гордилась мною, пыталась переубедить отца, и только благодаря ее помощи у меня что-то получалось.

Каждый раз, когда нужно было делать что-то новое — например, проводить съемку или открытие шоурума, — были месяцы споров, криков, истерик [отца]. При этом я не просила у него денег. Да, он купил мне первые швейные машинки, но я несколько месяцев работала, чтобы накопить [денег] и отдать их ему.

Я с 15 лет стремилась быть самостоятельной. Мне не разрешили учиться после девятого класса, потому что брат, с которым мы вместе ходили в школу, был на два года старше, и, когда я закончила девятый, он уже выпустился. Ходить в школу мне было больше не с кем, а «без мужика» нельзя. Вместо полноценной школы меня записали в вечернюю, куда отец возил меня раз в три месяца.

Всерьез я занялась бизнесом в 17 лет и развивала его следующие шесть лет. У меня был довольно крупный бренд одежды, у бренда были клиенты из разных стран, магазин в Грозном и шоурумы в Москве, Питере и Махачкале. Большая часть клиенток были мусульманками, но были, например, и русские девушки — они просто по приколу покупали, им нравилась одежда, но платок они не носили, голову не покрывали. Еще у меня была школа шитья — филиалы были в Грозном и Гудермесе.

В Чечне есть особенности ведения бизнеса. Многие бизнесы время от времени выкладывают⁽¹⁷⁾ [в соцсети фотографии] Кадыровых. И пишут там фразы типа «Я с вами, я вас поддерживаю». Все чеченские блогеры выкладывают поздравления каждый раз, когда у кого-то [из семьи Кадыровых] день рождения. Я ни разу такого не делала, и почему-то мне казалось, что из-за этого меня не особо любят, хотя, может, я надумываю.

Деньги в [моей] семье появились, только когда я начала работать. Не могу сказать, что я их [членов семьи] обеспечивала, но продукты, например, покупались на мои деньги, ремонт делался тоже на мои. На работу меня сопровождала мама или отец. Иногда я заказывала такси, где женщина за рулем, — такие такси в Чечне существуют уже пару лет. Даже в офисе я никогда не могла остаться одна.

Но в какой-то момент я устала от гиперопеки, от невозможности [самостоятельно] выйти из дома. Я всегда была категорически против того, чтобы рано выходить замуж, тем более что с подросткового возраста мне нравились только девушки.

Когда разные люди начали приходить знакомиться, я подумала: «Надо выбрать такого, который даст мне работать, учиться, свободно жить». Это была вынужденная мера, чтобы наконец развиваться, стать самостоятельной. Я была готова обеспечивать человека, давать ему деньги, покупать вещи, лишь бы меня оставили в покое.

Тот мужчина, которого я в итоге выбрала, — мой дальний родственник. Все родственники со стороны мамы говорили, что он очень хороший, соблюдающий⁽¹⁸⁾.

Мы поговорили по телефону несколько раз, он мне показался таким хорошим. Он мне говорил: «Я буду тебя поддерживать, разрешу тебе работать, я буду относиться к тебе как пророк Мухаммад относился к своей первой жене⁽¹⁹⁾».

Я была замужем три месяца. Через месяц после свадьбы я открыла свое первое ателье, я была этому очень рада. Для родителей [после свадьбы] я тоже наконец-то стала «хорошей дочерью». Я была счастлива «порадовать» их:

как бы я ни училась, какие бы у меня ни были успехи в работе, ничто не радовало их так, как мое замужество.

Но мне было очень тяжело, я была «мертвая» все это время. Деньги, которые я зарабатывала, я отдавала ему — на бензин и все такое. Оплачивала квартиру, покупала еду.

Уже через неделю после свадьбы он начал меня очень сильно контролировать. Я боялась пропустить от него звонок, потому что, если я не отвечала вовремя, начиналась истерика. Он меня избивал, насиловал. Когда я говорила ему: «Не надо меня бить» — он взрывался еще больше и говорил: «Ты думаешь, это я тебя так бью? Тебя что, по-настоящему никогда не били?»

Я была маленькой девочкой, которую не учили защищаться, которую не учили, что ее нельзя трогать, нельзя бить. Мои родители мне такого не говорили. Единственное, что мне говорил отец и что я постоянно вспоминала, когда была замужем, это что «в любой ситуации главное — держать язык за зубами».

В чеченском есть такая фраза «Ши п1елг биллала ерг саца е⁽²⁰⁾», буквально это означает «держать закрытым то, что можно закрыть двумя пальцами».

Я не могла просто взять и уйти, хотя я мечтала об этом. Каждый вечер я молилась, плакала. Я помню, что каждый вечер, когда я делала дуа⁽²¹⁾, просила Аллаха: «Пожалуйста, пусть это закончится. Если я что-то делаю неправильно,

исправь меня». На людях я делала вид, что у меня все идеально.

Маме я ничего не рассказывала, она даже не догадывалась о том, что происходит. Я все это держала в себе, потому что я так хотела обрадовать родителей и [доказать им], что у меня наконец-то все получилось. Я не могла просто взять и разрушить их счастье. То, как тщательно я все это скрывала, убивало меня еще больше.

Единственный, кто об этом знал, — моя бывшая свекровь. Она говорила: «Никому ничего не рассказывай, слушай его [мужа] — и все будет хорошо». Я тогда думала, что она такая мудрая, а потом поняла, что она просто переживала за своего сыночка.

Он знал, что я боюсь разводиться, чтобы не расстраивать родителей. Он постоянно кричал на меня и устраивал истерики из-за мелочей — например, из-за того, что я плохо помыла ложку, или того, что я плохая жена. Как-то моя мама услышала, как он кричит на меня по телефону. Она взяла у меня телефон и выключила его. Я начала паниковать: «Ты что? Я никогда так не делаю, он же сразу приедет!» Она сказала: «Никто тебя не тронет». И впервые за эти три месяца я почувствовала, что есть кто-то, кто меня от него защитит.

Ночью [того дня] я все ей рассказала, мы говорили до утра. Когда я увидела, что мама готова меня защитить,

я сказала: «Пожалуйста, сделай все, чтобы я туда больше не шла, чтобы я больше ни разу его не видела». Наверное, единственное, что мой отец сделал хорошего [для меня], — он защитил меня. Они увидели этот страх в моих глазах и защитили.

В инстаграме есть страница «Феминизм наглядно». Я начала читать их где-то с начала 2020 года, мне стал интересен феминизм. Потом я начала искать информацию в интернете уже сама, перестала быть религиозной. Но говорить в соцсетях о том, что ты разделяешь такие взгляды, опасно.

В Чечне есть кадыровцы, которые занимаются молодежью. Они похищают геев, лесбиянок, атеисток, феминисток и «исправляют» их. У них есть список «неудобных» чеченцев⁽²²⁾, я тоже в какой-то момент туда попала.

Моего знакомого, с которым мы как-то долго спорили про феминизм в эфире инстаграма, похитили кадыровцы. После этого с его телефона стали писать всем знакомым. Позже я узнала, что под пытками в полиции он рассказал, что я лесбиянка и атеистка. Мне тоже писали с его номера, предлагали встретиться. А потом взломали мой телеграм.

К тому моменту я уже давно планировала уехать из Чечни. У меня были контакты правозащитников и билеты. Об этом моему отцу кто-то [вероятно из силовиков] сообщил после взлома телеграма. Так я надолго осталась

взаперти, без документов, без возможности работать и уехать. Все это время я еще больше читала про радикальный феминизм⁽²³⁾ и убеждалась, что не хочу жить как сейчас, что должна бороться, чтобы заполучить себя обратно и не принадлежать мужчинам.

Паспорт удалось вернуть только через полгода — сказала родителям, что документы нужны, чтобы сходить в банк [тогда же я и сбежала].

После побега мне было непросто прийти в себя. Но сейчас мне намного лучше, у меня появилось много знакомых, друзей. Мне максимально необходима социализация, внимание со стороны людей — это то, без чего я не могу выжить. Я недавно вышла на новую работу тут [в новой стране], это дает мне сил.

Правозащитные организации «Марем» и СК SOS собирают пожертвования. Вы можете поддержать их, чтобы они могли продолжить спасать людей на Северном Кавказе.

ЕЩЕ О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИН В ЧЕЧНЕ

Ищи свою внучку, а нас уже нет Как девушки из Чечни оказались в «Исламском государстве» — и как их матери пытаются вернуть их домой. Фотопроект Сергея Строителева — специально для «Медузы»

«Медуза»

(1) Расследование «Новой газеты»

В 2017 году «Новая газета» опубликовала серию материалов о преследованиях геев в Чечне. В текстах говорилось о задержаниях, пытках и убийствах ЛГБТ-персон в республике.

[Вернуться к тексту](#)

(2) Как сильно выросло?

С открытой статистикой в регионе трудно, но о росте заявляют правозащитники. Его также можно проследить на данных по количеству девушек, эвакуированных из Чечни организацией СК SOS: 2017 год — два человека, 2018-й — четыре человека, 2019-й — восемь человек, 2020-й — 12 человек, 2021-й — 21 человек, 2022-й (1½) — девять человек.

[Вернуться к тексту](#)

(3) СК SOS

Кризисная группа «СК SOS» — проект, помогающий ЛГБТ-людям, членам их семей, оказавшимся в смертельной опасности на Северном Кавказе.

Проект помогает эвакуировать людей и документирует доказательства массовых преследований квир-людей на Северном Кавказе.

[Вернуться к тексту](#)

(4) «Марем»

Группа помощи пострадавшим от насилия женщинам «Марем».

[Вернуться к тексту](#)

(5) Что за заявление?

Отец девушки Аюб Тарамов сообщил, что собирается подать заявление в полицию о «похищении» и «насильственном

удержании» его дочери. По совету правозащитников сотрудники «Марем» покинули Россию. Дело против них не возбудили.

[Вернуться к тексту](#)

(6) Мансур Ахметов

Правозащитник, который много лет занимается помощью ЛГБТ-персонам на Северном Кавказе. Раньше сотрудничал с «Российской ЛГБТ-сетью», теперь с СК SOS — проектом, который появился из ЛГБТ-сети.

[Вернуться к тексту](#)

(7) СК SOS

Кризисная группа «СК SOS» — проект, помогающий ЛГБТ-людям, членам их семей, оказавшимся в смертельной опасности на Северном Кавказе.

Проект помогает эвакуировать людей и документирует доказательства массовых преследований квир-людей на Северном Кавказе.

[Вернуться к тексту](#)

(8) «Российская ЛГБТ-сеть»

Это общественное движение работает в России с 2006 года и занимается поддержкой российского ЛГБТ-сообщества, а также борьбой со всеми видами дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Организация стала оказывать помощь людям с Северного Кавказа с самого начала преследований, в 2017 году. Проект объявлен в России «иностранным агентом».

[Вернуться к тексту](#)

(9) Instagram

Социальная сеть принадлежит компании Meta, которая объявлена в России «экстремистской организацией», деятельность компании в РФ запрещена. Мы вынуждены указывать это по требованию российских властей.

[Вернуться к тексту](#)

(10) «Стихийные спасатели»

Мужчины и женщины из других регионов России и даже других стран, которые по своей инициативе пытаются помочь уехать девушкам Северного Кавказа.

[Вернуться к тексту](#)

(11) СК SOS

Кризисная группа «СК SOS» — проект, помогающий ЛГБТ-людям, членам их семей, оказавшимся в смертельной опасности на Северном Кавказе.

Проект помогает эвакуировать людей и документирует доказательства массовых преследований квир-людей на Северном Кавказе.

[Вернуться к тексту](#)

(12) Что за клиника?

Клиника пограничных состояний профессора Боева открылась в Грозном в 2017 году. В клинике работают с психологическими расстройствами. Во время открытия клиники бывший руководитель Хасан Ахмадов обещал, что в больнице можно будет диагностировать сглаз и порчу.

[Вернуться к тексту](#)

(13) Мулла

Исламский священник, который хорошо знает Коран.

[Вернуться к тексту](#)

(14) «Российская ЛГБТ-сеть»

Это общественное движение работает в России с 2006 года и занимается поддержкой российского ЛГБТ-сообщества, а также борьбой со всеми видами дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности. Организация стала оказывать помощь людям с Северного Кавказа с самого начала преследований, в 2017 году. Проект объявлен в России «иностранным агентом».

[Вернуться к тексту](#)

(15) Ичкерия

Независимая от России самопровозглашенная чеченская республика, которая существовала на территории Чечни с 1993 по 1999 год. Была ликвидирована во время второй чеченской войны.

[Вернуться к тексту](#)

(16) О чем речь?

Воевали против федеральных войск во время чеченских войн.

[Вернуться к тексту](#)

(17) Что за посты?

Владельцы бизнесов в Чечне регулярно выкладывают подобные публикации — часто с дочерью Рамзана Кадырова Айшат.

[Вернуться к тексту](#)

(18) Соблюдающий что?

Так говорят о мусульманах, которые придерживаются этических и моральных законов, предписанных религией, а также держат пост.

[Вернуться к тексту](#)

(19) Жена пророка

Согласно преданию, Хадиджа, первая жена Мухаммада, стала первым человеком, уверовавшим в его пророческую миссию. Она всегда и во всем поддерживала своего мужа, и Мухаммад любил ее, называя наилучшей женщиной.

[Вернуться к тексту](#)

(20) Перевод

Дословно это переводится как «остановить то, что размером с два пальца». Если приложить два пальца к губам, они почти полностью закроют рот. Фраза применяется по отношению к женщинам и детям.

[Вернуться к тексту](#)

(21) Дуа

В переводе с арабского — «молитва».

[Вернуться к тексту](#)

(22) Что за список?

Правозащитники подтверждают, что силовики ведут списки. Списки постоянно обновляются, на допросах у человека, оказавшегося в полиции, могут спросить, знакомы ли ему какие-то люди из списка. Об этом стало известно по рассказам многих подопечных.

[Вернуться к тексту](#)

(23) Радикальный феминизм

Направление феминизма, согласно идеям которого угнетение женщин не прекратится до тех пор, пока не исчезнет превосходство мужчин в социальных и экономических сферах.

Этого можно добиться только через разрушение системы, а не через ее реформирование. Одна из стратегий борьбы — сепарация от отношений и деятельности, связанной с мужчинами.

[Вернуться к тексту](#)
